

вает возможности взаимодействия разных оснований человеческого бытия и сознания, стремлений и достижений, истории и культуры – между гуманитарной аксиологией свободы и эволюционной эпистемологией жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бири П. Жизненный выбор. О многообразии человеческого достоинства / П. Бири; пер. с нем. Д. В. Сильвестрова. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2018.
2. Винникотт Д. В. Все мы родом из родительского дома. Записки психоаналитика / Д. В. Винникотт; под ред. К. Винникотт, Р. Шеперда, М. Дэвис. – СПб.: Питер, 2019.
3. Дюринг Е. Ценность жизни / пер. с нем. Ю. М. Антоновского. – М.: Кранд, 2010.
4. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы / пер. с англ. Г. А. Балл, А. П. Попогребский. – М.: Альпина нон-фикшн, 2011.
5. Миллер А. Драма одаренного ребенка и поиск собственного «Я» / пер. с нем. И. В. Розанова, И. В. Силаева. – М.: Академический проект, 2017.
6. Мэй Р. Человек в поисках себя / пер. с англ. А. Багрянцева. – М.: ИОИ, 2012.
7. Поппер К. Р. Знание и психофизическая проблема: в защиту взаимодействия / пер. с англ. И. В. Журавлева. – М.: Издательство ЛКИ, 2008.
8. Смит Р. Быть человеком: историческое знание и сотворение человеческой природы / пер. с англ. И. Мюрберг. – М.: Канон, 2014.
9. Франкл В. Э. Воля к смыслу. – М.: ИОИ, 2015.
10. Фромм Э. Искусство быть: сборник / пер. с англ. А. Александрова. – М.: АСТ, 2013.
11. Чиксентмихайи М. Эволюция личности / пер. с англ. Е. Алексеев, А. Шварц. – М.: Альпина нон-фикшн, 2013.

А. А. ВЛАСОВ

Москва, РГГУ

КОСМОПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ

Аннотация. Что мы имеем в виду, говоря о космополитизме? Это предложенная Кантом модель универсальной федерации государств или неотъемлемый элемент программы неолиберальной глобализации, а, может быть, нечто совершенно иное?

Ключевые слова: космополитизм, космополитические ценности, национализм, универсализация, коллективный субъект, анархизм.

Abstract. What do we mean by cosmopolitanism? Is this the model proposed by Kant for a universal federation of States or an integral element of the neoliberal globalization program, or maybe something completely different?

Keywords: cosmopolitanism, cosmopolitan values, nationalism, universalisation, collective subject, anarchism.

Независимо от того, в каком ракурсе мы рассматриваем политическую философию космополитизма, или какого таксономического уровня придерживаемся, она предполагает определенный аксиологический набор, который претендует на то, чтобы иметь универсальный характер.

Сосредоточиваясь в данной статье на трех вариантах прочтения космополитизма (через универсализацию национальной политики отдельно взятого государства (1), через популяризацию и распространение *единых* правил взаимодействия в рамках мирового сообщества (2), и, наконец, через радикальную трансформацию самого принципа существования общества (3)), можно проследить, что гетерогенен не только сам концепт *космополитизма*, но также неоднородны и те ценности, которые он приносит с собой, в зависимости от того, как мы интерпретируем *космополитическую программу*, и на какие отношения мы распространяем этот проект. Рассматривая космополитизм как универсализацию национальных интересов (на примере политики США), можно выделить два ключевых уровня, на которых отражаются провозглашаемые отдельным государством *космополитические ценности* и идеалы. В этом случае мы сталкиваемся с попыткой экспансии индивидуальных экономических и политических приоритетов и превращения их в общие ориентиры.

В июле 2003 г. премьер-министр Великобритании Тони Блэр, выступая перед Конгрессом США, «развенчал миф» о том, что приверженность свободе воспринимается как продукт западной культуры, и объявил «наши» (западные) ценности «универсальными ценностями человеческого духа», выразив тем самым крайнюю космополитическую позицию [6, р. 8]. В ноябре того же года Джордж Буш Мл. произнес речь перед британскими политиками в Лондоне, в которой провозгласил, что «экспансия свободы является задачей нашего времени. Это задача нашей страны (США. – А. В.) ... воление самой природы... задача Истории. И мы верим, что свобода, которую мы так высоко ценим, далека от того,

чтобы быть исключительно для нас самих, но является правом и способностью каждого человека» [6, р. 8]. Спустя год, в ходе предвыборной кампании, он расширил свой тезис, заявив, что Соединенные Штаты Америки призваны возглавить процесс распространения свободы в новом веке, делая акцент на том, что «свобода есть дар, который преподносит Всемогущий мужчинам и женщинам этого мира» [6, pp. 8-9]. И наконец, в своей первой речи на посту президента в январе 2005 г. Буш провозглашает, что, «несмотря на то, что на протяжении всей Истории правосудие осуществляется подобно приливам и отливам, присутствует единая проявленная линия, отмеченная свободой и Создателем свободы» [6, р. 9].

Таким образом, можно проследить, как американские национальные ценности были универсализированы и превращены в общечеловеческие, в те ценности, которые предоставляются самой природой и которые, в конечном счете, воплощают собой замысел Творца. Следовательно, можно сказать, что в приведенном выше примере происходит совмещение традиционно оппозиционных друг другу позиций: универсализма и национализма, что ранее выражалось через противопоставление христианства (Церкви) и местной монархической власти (Государства). Более того, провозглашая свободу и ее распространение как ценностью, так и задачей США во благо человечества, Дж. Буш апеллирует к центральной для христианской цивилизации фигуре Бога с тем, чтобы легитимировать политические действия своей страны и получить поддержку всех тех, кто причисляет себя к христианской традиции. Это обстоятельство во многом объясняет агрессивную милитаристскую политику Соединенных Штатов, поскольку «следование замыслу Творца» неизменно обнажает непримиримое противостояние добра и зла, где без существования второго первое не в состоянии себя утвердить.

Говоря словами Квами Энтони Аппий: «Когда в ходе своих обсуждений мы обращаемся к тому, что принимаем как универсальные ценности, – ценность искусства, демократии или философии – мы говорим о том, что хотим, чтобы все желали» [4, р. 50]. Таким образом, предлагаемые сообществу *единые, общие и универсальные* ценности являются *телосом* (τέλος) государства как эгоистичного субъекта политических отношений. А, следовательно, в этом случае мы можем говорить о *космополитизации* как о превращении *Другого* в *меня*. То есть, основная проблема, которую призван разрешить космополитический проект – отношения *Я – Другой* – решается через ассимиляцию *Другого* и его включение в единую сферу интересов государства-гегемона.

Другим примером анализа распространения космополитических ценностей можно назвать кантианский проект федерации, который в несколько

измененной форме воплощается в такой структуре, как Европейский союз. Для Канта все люди имеют право на взаимное гостеприимство в любой точке мира, «в силу их права на коммунальное владение земной поверхностью» [7, р. 106]. Отсюда следует, что политическая теория Канта является частью метафизики морали, поскольку принцип универсальности требует, чтобы наши социальные и политические институты управлялись, а наши общественные конфликты решались универсальным образом. В свою очередь, это требует существования универсально действующего закона, который должен регулировать сферу политического. Здесь к политическому и экономическому уровню добавляются этический и культурный аспекты, поскольку появляется необходимость в интеграции *Другого* в сферу универсального социального пространства при сохранении им определенной национальной идентичности.

Важно отметить, что космополитическая идея Канта нашла поддержку у тех теоретиков, которые опровергали неизменный характер системы государств, так как мысль Канта можно рассмотреть на трех уровнях. Во-первых, космополитический проект Канта выводит моральные обязательства за ограниченные пределы государства-нации. Во-вторых, этот проект предлагает рассматривать связь между историческими событиями через их содействие глобализму с учетом особой роли политической практики. И в-третьих, Кант предлагает выстроить систему международного институционализма для предотвращения угрозы войны. Таким образом, моральное, историческое и институциональное измерения становятся новым видением форм межгосударственной коммуникации, выходящим за рамки тоталитаризма отдельного государства.

Однако и при таких обстоятельствах мы сталкиваемся с очевидным европоцентристским характером *космополиса*. А, следовательно, и те ценности, которые провозглашаются в качестве общечеловеческих (космополитических) ограничены рамками западной иудео-христианской культуры, что на практике выражается набором ограничений для тех, кто пытается интегрироваться в это политическое пространство из иной культурной среды.

Наконец, критически оценивая распространение космополитических ценностей, представленное в предыдущих двух примерах, можно обратить внимание на то, что происходит попытка экспансии отдельных территориальных принципов организации общества и их универсализации. Таким образом, идея *космополиса* как гетерогенного пространства, в котором сосуществуют различные типы поведений (вспомним о *космополитическом образе жизни*, отраженном у киников и ранних стоиков), становится все более однородной за счет той унификации, которая обнаруживает себя в современных проектах глобализации или европейской интеграции.

Тем не менее, существует иной способ рассмотрения отношений *Я – Другой*, когда не происходит попытки адаптации *Другого* к единой универсальной культуре, но сама культура является динамическим, трансформирующимся организмом, у которого отсутствует характеристика национальной или территориальной принадлежности. Этот анархистский проект неизбежно связан с устранением государства(-нации) и развитием социальных связей, в рамках которых каждый участник становится носителем множественных идентичностей, а, следовательно, происходит рождение коллективного субъекта *Мы*, который выражает собой активный социальный организм, а не привычные для капиталистического порядка интерсубъективные связи (множественные Я), сводящиеся к взаимодействию эгоистичных деятелей. То есть, анархизм, оказываясь в оппозиции как к национализму, так и к либерализму, делает акцент не на универсализации какого-либо рода отношений или ценностей, но на их максимальной дифференциации. Здесь интересно обратить внимание на то, как Мэри Калдор [5] описывает процессы, создающие космополитизм сверху, в форме международных организаций, сложных партнерств и соглашений о сотрудничестве между государствами (то есть, то, что было представлено как кантианское прочтение космополитизма); и процессы, создающие космополитизм снизу через деятельность транснациональных социальных движений. Тот факт, что люди могут развивать свою роль и идентичность в качестве национальных граждан при непосредственном участии в политической деятельности, направленной на выход за пределы национального государства, указывает на особое понимание космополитизма теми людьми, которые выражают свои политические интересы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Соч. в 6 томах / пер. с нем. – М.: Мысль, 1966. – Т. 6. – 743с.
2. Кант И. Критика практического разума / пер. с нем. – СПб.: Наука, 1995. –
3. Кант И. К вечному миру. Сборник / пер. с нем. – М.: Рипол-классик, 2018. – 434 с.
4. Appiah K. A. Cosmopolitanism. La Ética en un Mundo de Extraños. – Madrid, K
5. Kaldor M. Cosmopolitanism versus Nationalism: The New Divide? Europe's New Nationalism, R. Caplan & J. Feffer eds., Oxford, Oxford University Press, 1996.

6. Harvey D. *El Cosmopolitismo y las Geografías de la Libertad*. Madrid, Akal, 2017, 346 p.
7. Kant I. *Political Writings*. Cambridge, Cambridge University Press, 1991, 309 p.
8. Levy C. *Anarchism and Cosmopolitanism*. The Palgrave Handbook of Anarchism. Cham Switzerland, Palgrave Macmillan, 2019, pp. 125–148.

V. V. ВОЛКОВ

Тверь, ТГУ

ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК ЦЕННОСТЬ: ЛИНГВОМЕНТАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ

Аннотация. В статье обосновывается, что русские обыденные представления о праве основываются на «чувстве справедливости». Следовательно, обыденные представления о праве выступают как доминантные по отношению к феноменам собственно правовым.

Ключевые слова: ценность, правосознание, русский менталитет, лингвоментальные структуры, значимость, аксиология.

V. VOLKOV

LEGAL CONSCIOUSNESS AS A VALUE: LINGVOMENTAL PECULIARITIES OF RUSSIANS

Abstract. Author proves that the Russian commonplace notions about law are based upon “sense of justice”. Therefore, commonplace notions about law are prepotent to legal phenomena.

Keywords: value, legal consciousness, Russian mentality, lingvomental structures, significance, axiology.

Исходная задача выявления особенностей русского правосознания – соотнести семантику лексемы *право*, как она фиксирована в толковых словарях, с семантическим ядром концепта «Право», как интегральным перцептивно-когнитивно-аффективным феноменом языкового сознания, составляющим «основу коллективного и/или индивидуального языкового сознания, отражающим значительную часть структур бессознательного и сверхсознательного» [1, с. 126]. Сочетая элементы обыденных и профессионально-правоведческих представлений